

А.М. Молочников (Санкт-Петербург)

СТРЕЛЕЦКИЕ СОТНИ В СМОЛЕНСКОЙ ОБОРОНЕ 1609–1611 ГОДОВ (К ПРОБЛЕМЕ СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

В ОПРОС о численности войска в смоленской крепости в годы обороны от войска Речи Посполитой (сентябрь 1609 – июнь 1611 гг.) требует долгого и подробного исследования. Настоящая статья посвящена одному конкретному вопросу, а именно – численности стрелецкого войска. В монографиях В.П. Мальцева и С.В. Александрова приводились мнения о численности стрельцов в гарнизоне¹. Некоторые уточнения были сделаны в нашей недавней работе о смоленских стрельцах².

Во всех трех исследованиях ставится вопрос о количестве стрелецких полков (приказов) в Смоленске, о численности этих приказов, а главное – о том, сколько стрельцов оставалось в крепости в годы обороны, а сколько ушло в поход Скопина-Шуйского, который длился с июня 1609 г. по 1610 г. Такой подход предполагает широкий охват источников, но оставляет множество неразрешенных вопросов. В настоящее время можно с уверенностью говорить, что в 1609 г. стрелецкий голова В.Г. Чихачев остался со своим приказом в Смоленске, а голова Ф.М. Зубов со своими стрельцами присоединился к ополчению Скопина-Шуйского. Также есть известия о смоленском стрелецком приказе И.К. Оболенева – но он появляется только в 1610 г. в Великом посольстве Голицына и Филарета³. Вопрос о численности стрелецкого приказа остается открытым. В крестоприводной книге 1598 г. в каждом приказе по 500 стрельцов⁴. Из десяти 1605/06 года и из записок С. Немоевского можно предположить, что к середине Смуты численность стрельцов составила 600 человек на полк⁵. Но в любом случае численность стрелецкого гарнизона в крепости не зависела от численности

приказа. Известно, что кроме стрельцов Чихачева в крепости оставалась, по крайней мере, одна сотня Ф. Лихарева из приказа Ф.М. Зубова. Нет уверенности, что и приказ Чихачева участвовал в обороне в полном составе.

Поэтому широкие обобщения предыдущих исследований (включая нашу статью) следует признать недостаточными для изучения такой важной темы, как смоленская оборона 1609–11 гг. Между тем, состояние источников позволяет применить другой подход к вопросу о численности смоленского стрелецкого войска.

Во-первых, следует сосредоточить внимание на тех источниках, которые непосредственно относятся к службе стрельцов в 1609–11 гг., т.е. к тем документам, которые по большей части опубликованы Ю.В. Готье, а до него частично в изданиях археографической комиссии⁶. Эти документы в основном происходят из смоленской воеводской избы (по терминологии источника – из Разряда). В первую очередь, конечно, нас интересуют количественные источники о стрелецком войске.

1. Роспись хлебных запасов смоленских стрельцов от 21(?)–22 марта 1610 г.⁷ В этом документе перечислены стрельцы трех сотен, против каждого имени содержатся сведения о семье и о «стояльщиках» и соседях служилого человека, т.е. о тех, кто жил у стрельца на дворе, а также о количестве зерна на каждую семью. Хлебная роспись не имеет начала и конца, дата 22 марта проставлена перед началом 2-й стрелецкой сотни.

2. Поручная запись по стрельцам, которые обвинялись в ограблении посадского Федора Петрушина⁸. Об этом деле я подробно писал в предыдущей статье. Запись составляли на рубеже 1610–11 гг. Поручатели называют себя: «стрельцы Васильева приказу Григорьевича Чихачева». Среди них есть представители всех трех сотен из мартовской хлебной росписи, которая, таким образом, также относится к Чихачевскому приказу.

3. Четыре поручных записи по стрельцам-новобранцам⁹. Из формуляра следует, что они тоже принадлежат к приказу Чихачева.

Также представляют интерес отдельные документы, в которых упомянуты стрельцы различных сотен.

Во-вторых, за основу подсчета стрелецкого войска лучше брать не приказы, а стрелецкие сотни. О численности сотни накануне обороны имеются точные сведения. Весной 1609 г. на Порецкую волость к северо-западу от Смоленска стали нападать отряды

Шимана Гонсевского, брата польского военачальника и велижского старосты Александра Гонсевского¹⁰. Против них на русско-литовском рубеже стали строить заставы. Главным укрепленным пунктом стала застава под началом сына боярского Ивана Жидовинова. 13 мая к нему на подмогу прибыла стрелецкая сотня Семого Соколова на подводах, то есть на лошадях¹¹. На другой день Семей Соколов пишет в донесении смоленским воеводам Шеину и Горчакову: «А стрельцов, государь, со мною, пришло в Порецкую волость 96 человек, а подвод под ними 94 подводы, а 3 человека стрельцов не бувала, да стрелец ехал из Смоленска на своей лошади, да стрелец в тюрьме»¹². Далее Соколов перечисляет имена нетчиков: Гришка Ростовец, Левка Дорогобужанин, Васька Медведев – и добавляет: «А на своей лошади ехал стрелец Тишка Полуянов сын Сухой, а подводы он в Смоленске не взял, да в тюрьме стрелец Максимка Ляпин, да стрельца в сотне нет»¹³.

Из этого документа видно, что в стрелецкой сотне было именно сто человек, и даже в разгар Смуты до полного комплекта недоставало только одного стрельца. А за вычетом трех нетчиков и одного тюремного сидельца на защите рубежа все-таки собралось 95 воинов. В крестоприводной книге 1598 г. в сотнях было от 97 до 101 стрельца¹⁴.

Поэтому будет разумно начать исследование с учета всех известных стрелецких сотен, которые участвовали в смоленской обороне 1609–11 гг. Преимущество подобного подхода в том, что он позволяет продемонстрировать, какими данными мы можем располагать, и критически оценивать как сведения сторонних наблюдателей (польско-литовского войска), так и выводы предыдущих исследований.

Сотни, как и приказы, в Смоленске были именными, т. е. назывались по именам начальников.

Стрелецкие сотни приказа Василия Григорьевича Чихачева.

1-я сотня – «безымянная». С этой сотни начинается мартовская роспись хлебных запасов, но поскольку ее начало не сохранилось, то имя сотника нам неизвестно. Эту сотню нельзя связать ни с одним из доподлинно известных сотников чихачевского приказа.

Всего в хлебной росписи перечислен 71 стрелец из этой сотни, с указанием семьи, «стояльщиков» с семьями и хлебных запасов. Ближе к концу сотни указан пятидесятник Федор, почему-то без фамилии, но с самым обширным перечнем соседей, которые живут

у него во дворе. Других должностей в сотне, да и во всей последующей росписи не называется, хотя несомненно, что кроме рядовых стрельцов там встречаются и десятники. «Безымянную» сотню описали в первый день составления хлебной росписи, вероятно, 21 марта. Следующий подзаголовок уже имеет дату: «118 году марта в 22 день роспись стрельцам Семовой сотни Соколовой»¹⁵.

2. Сотня Семого Соколова. Семей Истомин сын Соколов уже в списке десяти 1605/06 г. показан среди двенадцати сотников на последнем месте. Тогда он был городовым сыном боярским с окладом 350 четвертей. Остальные 11 сотников, дворовых и городовых, имели оклады от 400 до 500 четвертей¹⁶.

В мае 1609 г. он прибывает на заставу Жидовинова и пишет упомянутое донесение о численности своего отряда. Но затем его сменил Константин Щелин и его сотня.

В росписи от 22 марта 1610 г. упомянуты Левка Дорогобужанин, Васька Медведев (двое из трех нетчиков на заставе) и Тишка (Тимошка) Полуянович Сухой, который прибыл на своей лошади, а не на подводе.

Сотня Соколова единственная, которая сохранилась в росписи от начала и до конца, однако в ней также перечислен 71 стрелец – столько же, сколько в предыдущей сотне¹⁷.

3. Сотня Константина Щелина – Осипа Митькова. Пожалуй, самая известная сотня в смоленских документах 1609–11 гг. В 1605/06 г. Костя Нечаев сын Щелин был городской сын боярский с окладом 300 четвертей¹⁸. Он принадлежал к «детям боярским верстания 113 году», т.е. только за год до составления десяти стал новиком. Поэтому и еще по уменьшительному имени можно заключить, что он был достаточно молод.

Впервые сотник Константин Щелин упоминается в июле 1609 г. на заставе Ивана Жидовинова. Он сменил на этом посту Семого Соколова, но уже 22 июля Шеин потребовал, чтобы он со стрельцами воротился в Смоленск¹⁹, а на заставу было велено набирать крестьян из окрестных деревень.

В хлебной росписи от 22 марта перечислено всего 59 стрельцов «Константиновой сотни Щелина».

Ко второму году тяжелого осадного времени сотню Константина Щелина возглавил Осип Митьков из дорогобужских детей боярских²⁰. Сам Щелин к ноябрю 1609 г. умер или погиб в бою и в документах последнего времени обороны не упоминается.

О том, что Осип Митьков заменил Константина Щелина, можно судить, если сравнить мартовскую роспись хлебных запасов и более поздние поручные записи по смоленским стрельцам.

Первая из этих поручных записей составлена 4 ноября 1610 г.; в ней стрельцы ручаются цареву и великого князя Василия Ивановича всея Руси сыну боярскому сотнику стрельцкому Осипу Миткову, по новоприбранном стрельце...»²¹. Во второй – от ноября 1610 г., но без точной даты – стрельцы ручаются по новобранцам просто сотнику, без указания на государя. Наконец, в записи от 16 января 1611 г. «поручилися есми все мы, стрельцы Василева приказу Чихачева, московского государства боярам и всей земли сыну боярскому сотнику стрялецкому Осипу Миткову того ж приказу, по новоприбранных стрельцах ...»²².

В этих поручных записях встречаются имена стрельцов Константина Щелина, в том же порядке, как в мартовской росписи хлебных запасов:

Табл. 1

Фрагменты перечней смоленских стрельцов из документов Смоленской обороны 1609–1611 гг.*

Фрагменты из росписи хлебных запасов смоленских стрельцов от 2 марта 1610 г. Сотня Константина Щелина.	Поручные записи по смоленским стрельцам-новобранцам от ноября 1610 и января 1611 г. Сотня Осипа Митькова.
<p><u>У стрельца Сенки Ляпуна (...),</u> <u>у стрельца о Андрюшки</u> <u>пирожника (...),</u> <u>у стрельца Родки Словинского (...),</u> <u>у стрельца Яньки Холмитина (...),</u> у стрельца у Томилки Можайтина (...), у стрельца у Андрюшки <u>Лучянинова (...),</u> <u>у стрельца у Меншика Весялова (...),</u> у стрельца Сеньки Пронина (...),</p>	<p><u>да яз Семен Говрилов сын Ляпун,</u> <u>да яз Андрюша Офонасяв сын</u> <u>пирожник,</u> <u>да яз Родя Василяв сын Словенской,</u> да яз Кондраш Осипов сын Колесник, <u>да яз Якуш Иванов сын Холмитин,</u> <u>да яз Андрюша Андрев сын</u> <u>Лучянин,</u> <u>да яз Меньшой Трофимов сын</u> <u>Всялой,</u></p> <p>(4 ноября 1610 года).</p>

*В левом столбце сведения о семье и хлебных запасах заменены пропусками. В правом столбце в каждой колонке указывается дата составления поручной записи. Совпадающие имена стрельцов отмечены подчеркиванием.

Стрелецкие сотни в смоленской обороне 1609–1611 гг.

<p><u>У стрельца Копахи Домрачевеца (...).</u> <u>У стрельца Васьки Вязметина (...).</u> <u>у стрельца Савки За... (...).</u> <u>у стрельца Агафюшки Воинка (...).</u> <u>у стрельца Минки Меркушева (...).</u> <u>у стрельца Кузьки Злобинина (...).</u> у стрельца Меркушки Дмитреева (...), у стрельца Милейки Понырина (...), <u>у стрельца Федьки Вороны (...).</u></p>	<p>Да яз <u>Кохна Григорьев сын Домрачевеца,</u> да яз <u>Васильий Фатянов сын Вязметин,</u> да яз <u>Савка Тимофеев сын Ребиков,</u> да яз <u>Агафон Филиппов сын Воинка,</u> да яз <u>Михайло Филипов сын Меркушин,</u> да яз <u>Кузьма Андреев сын Злобин,</u> да яз <u>Иван Онаньин сын Вязметин,</u> да яз <u>Федор Михайлов сын Ворона,</u> да яз <u>Олеша Савин сын Малахов,</u> да яз <u>Ондрюша Григорьев сын Сахаров,</u> (16 января 1610 года)</p>
<p>У стрельца у <u>Лазури (...).</u> у стрельца у <u>Юрки Первушина (...).</u> у стрельца у <u>Гриши Повароченного (...).</u> у стрельца у <u>Андронки Повароченного (...).</u> у стрельца <u>Фомки Извоицкова (...).</u> у стрельца <u>Колинки Гнидина (...).</u> у <u>стрельца Якимки Гречихина,</u> у <u>стрельца Илейки Словенского (...).</u> у стрельца у <u>Пашки Дняпровца (...).</u></p>	<p>Се яз, <u>Лозуря Стефанов сын Гончар,</u> да яз, <u>Иван Лозурин сын Гончар,</u> да яз, <u>Гриша Иванов сын Повароченок,</u> да яз, <u>Торас Филиппов сын Меркушев,</u> да яз, <u>Микита Офанасьев сын Дришов,</u> да яз, <u>Фома Оврамов сын Извоицков,</u> да яз, <u>Юрий Филиппов сын Первушин,</u> да яз, <u>Овдоким Григорьев сын Сапожник,</u> да яз <u>Яким Иванов сын Гречихин,</u> да яз, <u>Илья Ондронов сын Словинский,</u> (4 ноября 1610 года).</p>

Сходство и общий порядок имен свидетельствуют, что речь идет об одной сотне.

На этом заканчиваются три сотни, о составе которых можно судить по мартовской хлебной росписи.

4. Сотня Стефана Шатихина. В десятне 1605/06 г. Степан Климентьев сын Шатихин записан как городской сын боярский с поместным окладом в 350 четвертей²³. Его сотня известна нам из поручной записи от 16 января 1611 г. В этом документе 47 стрельцов «Васильева приказа Чихачева» ручаются за новобранцев «бояр московских и всей земли сотнику стрелецкому Стефану Шатохи-ну»²⁴. Эту поручную запись составил подьячий и стрелецкий пятидесятник Семен Игумнов, который упомянут и в некоторых других судебных делах²⁵.

Сопоставление поручной записи по шатихинским новобранцам с мартовской росписи не выявляет ни одного случая сходства

имен. А поскольку в случае с приказом Щелина-Митькова такое сходство есть во всех трех поручных записях, следует несомненный вывод: Шатихин не руководил безымянным приказом и не сменил в должности Семого Соколова. Вероятно, его сотня была переписана в недошедшем отрывке росписи хлебных запасов (в начале или в самом конце).

В итоге мы имеем четыре самостоятельных сотни, которые доподлинно входили в чихачевский приказ. Но кроме них в Смоленске были и другие сотни.

Стрелецкие сотни приказа Федора Михайловича Зубова.

1. Сотня Федора Лихарева. Федор Иванович Лихарев был дворовый дворянин с поместным окладом 400 четвертей²⁶. Он сам и стрельцы его сотни упоминаются в нескольких делах воеводского Разряда за 1609–11 годы²⁷. В феврале 1610 г. дворянская жена Марьица Самарина обвинила своего дворника, стрельца Лихаревской сотни Максимку Антипина, в краже вещей из повалуши. Поскольку во время кражи Максимка был в карауле на стене, на допрос были вызваны его сослуживцы: двое пятидесятников и четверо десятников «Федорова приказу Зубова, Федоровой сотни Лихарева»²⁸. Конец этого любопытного дела не сохранился. В нем отразились некоторые сведения о стрелецких слободах и об организации службы в годы обороны. Кроме того, именно из этого дела мы узнаем, что сотня Федора Лихарева относилась к приказу Ф.М. Зубова, который в это время был в походе Скопина-Шуйского.

Во время смоленской обороны Смоленска 1609–11 гг. Лихарев командовал своей сотней самостоятельно. В некоторых документах сотню Лихарева даже называют «приказом». В документе от 15 февраля перечислены стрельцы и посадские, которых застали за игрой в зернь (такая забава не одобрялась на Руси и была запрещена в осажденном Смоленске). В этом документе упомянуты стрельцы «Васильева приказу» (Чихачева – А.М.), а также трижды упомянуты стрельцы Федора Лихарева, причем один раз сказано просто – «Федора Лихарева», другой раз – «Федоровой сотни Лихарева», в третий – «Федорова приказу Лихарева»²⁹.

В росписи хлебных запасов от 24 марта 1610 г. (на этот раз переписывали дворы детей боярских) упомянут дворник Сава Михайлов – стрелец «Федорова приказу Лихарева»³⁰. Подобная ошибка связана еще и с тем, что действительный руководитель приказа Зубов и его сотник были тезками.

2. Сотня Афанасия Деденева. В десятне 1605/06 г. этот сын боярский не встречается. Как стрелецкий сотник он впервые упомянут в документе от 14 октября 1610 г. В этот день «принес к Разряду стрелец Федорова приказу Зубова Афанасьевой роты Деденева Клишко Гречихин седло ветчано софьяное старое бухарское»³¹. Термин «рота» в русском войске в то время не использовался. В данном случае его употребление опять-таки связано с особым, независимым положением Деденевского отряда по сравнению с сотнями из приказа Чихачева. В других источниках эта рота называется сотней. 5 ноября стрелец Иван Шило из сотни Афанасия Деденева вернулся в Смоленск из литовского плена³². 7 декабря стрельцы Деденева арестовали В.Ф. Зубова при попытке побега со стены³³.

Следует отметить, что сотни Федора Лихарева и Афанасия Деденева упоминаются в разное время. Скорее всего, это была одна сотня, руководство которой сменилось где-то в начале осени 1610 г., точно так же, как это мы видели в сотне Митькова-Щелина.

Напоследок необходимо учесть еще двух сотников, которых затруднительно отнести к какому-либо приказу. Оба эти сотника были вязмиичи, а значит, они могли руководить иногородними стрелецкими отрядами. Но, скорее всего, они руководили сотнями в приказе В.Г. Чихачева. Наконец, их сотни могли быть тождественны каким-то другим из вышеперечисленных сотен.

1. Сотник Иван Быков. В Смоленске было двое детей боярских с таким именем и фамилией – Иван Борисович и Иван Михайлович³⁴. Один из них был головой у посадских людей на первой башне после Молоховских ворот³⁵. Другой, стрелецкий сотник, впервые встречается в документе от 31 января 1610 г. В этот день он арестовал посадских людей Василия и Григория Кожевниковых за распитие «безъявочного вина»³⁶. В Смоленске в годы осады хранение вина было строго регламентировано. Однако после долгой осады и сам Быков, как говорится, дал слабину.

25 ноября 1610 г. «боярину и воеводам сказывал стрелец Ивановой сотни Быкова Тишка Лошаков, не ходят-деи в город ночевать пятидесятник Игнат Гнездин, да десятник Медведь, а сотник-деи, Иван Быков их не спрашивает, да и сам-деи Иван Быков на ночь иногда не ходит». Стрелец добавил, что «десятник-деи Медведь не бывал в городе, пять ночей пьет дома, да и ныне у него пьет же и Иван Быков у него и топерь пьет». Вопреки расхожим представлениям в

те времена служилые люди не боялись сообщать о нерадивости своих непосредственных начальников. Пятидесятник Гнездин и десятник Медведь были арестованы пьяными. По приказу смоленских воевод «сотник стрелецкий Иван Быков, пятидесятник и десятник биты батоги»³⁷.

В этом деле любопытно сходство имен десятника Медведя и рядового стрельца Тишки Лошакова с именами стрельцов Семого Соколова из мартовской росписи: Ивашкой Медведкой и Тимошкой Лашковым³⁸. Не исключено, что Быков сменил Соколова на посту стрелецкого сотника. Правда, сотник Быков упомянут и в январе и в ноябре 1610 г., а сотник Семей Соколов назван в росписи в марте того же года. Однако у этого обстоятельства могли быть свои объяснения, например, из-за болезни или ранения замена одного сотника на другого могла занять какое-то время.

2. Сотник Василий Коробанов. В тот же день 25 ноября было еще одно происшествие: «боярину и воеводам сказал сотник стрелецкой Василий Коробанов, скинулся з городу ево сотни стрелец Тимошка Велижанин, прозвище Толкун, и как-деи он скинулся, ногу изломал и лег у города и его взяли в город». Обычно воеводы сурово обходились с беглецами, тем более, служилыми людьми, однако на этот раз «тот стрелец отпущен ко двору, покаместа обможетца»³⁹. В качестве сотника Василий Коробанов упомянут единственный раз, до этого он встречается только в списках детей боярских вязмичей⁴⁰. Стрелец Тимошка Велижанин-Толкун также не встречается в каких-либо стрелецких списках. Василий Коробанов мог возглавлять безымянную стрелецкую сотню из росписи хлебных запасов. Также возможно, что он действительно возглавлял отдельную сотню, которая нигде больше не упоминается.

Между прочим, стрелецкими сотниками довольно часто становятся дети боярские из других служилых городов, особенно во второй период обороны: Быков, Коробанов, Митьков. Все трое упоминаются в росписях хлебной раздачи вязмичам и дорогобужанам. Возможно, смоленские воеводы стремились в первую очередь предоставить хлебные должности для годных к управлению войском иногородних дворян, которые были гораздо хуже смолян обеспечены продовольствием в крепости.

Других сотников в документах смоленской обороны 1609–11 гг. обнаружить не удалось. В результате у нас есть сведения о восьми стрелецких сотнях. Некоторые из этих сотен тождественны друг

другу, так что можно с уверенностью говорить только о 500 стрельцах в смоленской обороне – четыре сотни приказа В.Г. Чихачева и одна сотня приказа Ф.М. Зубова. К этому числу следует с большой осторожностью присовокуплять сотни Деденева, Быкова и Коробанова (в особенности первую). Поскольку большинство имен сотников встречается в документах регулярно или взаимно заменяют друг друга, то весьма сомнительно, чтобы количество стрельцов превосходило 700 человек.

Однако для военной истории всегда злободневен вопрос – сохранялась ли численность воинов при регулярных боевых потерях. В пример можно привести того же самого Семого Соколова. В мае 1609 г., еще до начала обороны, по его собственному донесению в его сотне числилось 99 человек, а на заставу вместе с ним прибыло 95 стрельцов⁴¹. Однако в росписи хлебных запасов 22 марта 1610 г. та же сотня представлена полностью и в ней всего 71 человек⁴².

Такое сокращение сотни вполне могло быть вызвано боевыми потерями, тем более что в марте 1610 г. продолжались попытки подкопа и подземная война. Однако в данном случае недостаток людей в документе связан с другими причинами. Очевидно, что росписи хлебных запасов составлялись не по сословному, а по территориальному признаку. Роспись 22 марта 1610 г. охватывает только тех стрельцов, что живут в слободе. В других подобных росписях упоминаются стрельцы на дворах у детей боярских – как дворники, так и просто «стояльщики»⁴³. В деле о краже у Марьицы Самариной стрельцы на допросе отвечали, что знают ее дворника плохо, поскольку он «с ними в слободе не жывал, а жывал в дворниках по дворянским и детей боярских во дворех»⁴⁴.

Относительно боевых потерь можно заметить, что их пытались насколько возможно заполнить через набор в сотню посадских людей и стрелецких детей. В поручной записи 16 января сказано, что новых стрельцов набирают «к государеву хлебному жалованию»⁴⁵, то есть ко дню выдачи месячного продовольствия. Новобранцы заступили в строй «в убитова место», «в больнова место» и «во изменичье место».

Систему восполнения стрелецких десятков можно проследить, если сопоставить мартовскую роспись хлебных запасов и поручные записи по новобранцам из сотни Осипа Митькова. В этих четырех документах повторяются общие порядки имен, как это видно в таблице 1. Поскольку в этих порядках часто встречаются по 10

имен, то можно думать, что речь идет о стрелецких десятках. Пока что удалось выделить 6 таких порядков-десятков и условно обозначить их по первым именам: десяток Лазури Гончара, десяток Семена Коновалова, десяток Бориса Домрачеева, десяток Кандратия Домрачеева, десяток Гаврилы Смолянинова, десяток Семена Ляпуна. Можно приблизительно судить, как менялась численность в этих десятках за определенный период осадного времени. Возьмем, к примеру, Лазурию Гончара. Известно, что он был стрелецким пятидесятником, но у каждого пятидесятника был свой десяток. В марте 1610 г. в его десятке обозначено 9 стрельцов (напомню, это только те, кто жил в слободе). В поручной записи от 4 ноября 1610 г. в его «порядке» уже насчитывается 10 стрельцов, убыло 4 старых и прибыло 5 новых, в том числе Лазурин сын Иван. В другой поручной записи за тот же месяц (без даты, но вероятно более поздней) указано только 8 стрельцов, убыло трое (в том числе сам Лазуря, десяток начинается с его сына). Прибыл один – Калина Игнатъев, которого можно отождествить с Калиной Гнидным из мартовской росписи (по какой-то причине он отсутствует в промежуточном документе).

В десятке у Семена Ляпуна по мартовской росписи 8 человек, но затем его десяток уменьшается. 4 ноября у него уже 7 стрельцов, 2-е убыло и 1 новый. В другой ноябрьской росписи выделить границу его десятка сложно, но в нем осталось только 5 человек из предыдущего и мартовского состава. А вот в десятке у Кондрата (Конахи) Домрачеева в тот же период обстоятельства складывались относительно благополучно. В мартовской росписи у него 9, а в поручной записи от 16 января – 10 стрельцов, в том числе двое убыло и трое новых прибыло. У его брата на десять человек двое убыло и двое прибыло между второй ноябрьской и декабрьской поручными записями (а мартовская роспись обрывается в начале его десятка).

Потери в составе были различными в каждом десятке. Но в масштабах всего войска потери от двух человек в десятке за два месяца были значительными. Однако воеводский разряд стремился сохранить целостность стрелецкого войска, как наиболее организованного отряда огнестрельной пехоты в гарнизоне крепости. К тому же за долгие месяцы осадного сидения многие посадские люди приобретали необходимые навыки. Поэтому еще в январе 1611 г. стрелецкие десятки, а следовательно, и сотни, оставались полностью укомплектованы.

- ¹ Мальцев В.П. Борьба за Смоленск (XVI–XVII вв.). Смоленск, 1940. С. 227–228; Александров С.В. Смоленская осада 1609–1611 гг. М., 2011. С. 100.
- ² Молочников А.М. Смоленские стрелецкие приказы и их руководители в Смутное время [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2012. Т. III. С. 336–344. URL: <http://www.milhist.info/2012/12/19/molochnikov> (19.12.2012)
- ³ Там же. С. 336–338.
- ⁴ Смоленская крестоприводная книга 1598 г. / Публ. С.П. Мордовиной и А.Л. Станиславского // Источники по истории русского языка. М., 1976. С. 131–166.
- ⁵ Мальцев В.П. Указ. соч. С. 364–393; Записки Станислава Немоевского (1606–1608). Рукопись Жолкевского. Рязань, 2007. С. 46; Подробнее см. Молочников А.М. Указ. соч. С. 332–335.
- ⁶ Акты Исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. СПб., 1841. Т. II. (далее – АИ); Памятники обороны Смоленска. 1609–1611 гг. / Под ред. Ю.В. Готье. М., 1912.
- ⁷ Памятники обороны Смоленска. С. 85–197.
- ⁸ Там же. С. 122.
- ⁹ Там же. С. 134–138.
- ¹⁰ Там же. С. 4–25.
- ¹¹ Там же. С. 17–18.
- ¹² Там же. С. 18.
- ¹³ Там же. В начале донесения Соколов не пишет, что у него под началом только 99 стрельцов. Поэтому у него выходит, что на заставу прибыло 96 стрельцов и 94 подводы, хотя на самом деле стрельцов было 95, один на своей лошади. Видимо, Соколов скрупулезно подсчитал казенных коней и нетчиков, а о том, что его сотня неполна, вспомнил уже в конце донесения. Это только подтверждает, что полная сотня была в то время нормой.
- ¹⁴ Смоленская крестоприводная книга 1598 г. С. 131–166.
- ¹⁵ Памятники обороны Смоленска. С. 189.
- ¹⁶ Мальцев В.П. Указ. соч. С. 390–391.
- ¹⁷ Памятники обороны Смоленска. С. 193.
- ¹⁸ Мальцев В.П. Указ. соч. С. 379.
- ¹⁹ Памятники обороны Смоленска. С. 20, 23.
- ²⁰ Там же. С. 214
- ²¹ Там же. С. 138.
- ²² Там же. С. 136.
- ²³ Мальцев В.П. Указ. соч. С. 375.
- ²⁴ Памятники обороны Смоленска. С. 134–136.
- ²⁵ Там же. С. 54–55. 121.
- ²⁶ Мальцев В.П. Указ. соч. С. 369.
- ²⁷ Памятники обороны Смоленска. С. 48, 68–69, 84.
- ²⁸ Там же. С. 68.
- ²⁹ Там же. С. 72.
- ³⁰ Там же. С. 197.
- ³¹ Там же. С. 104.
- ³² Там же. С. 108.
- ³³ Там же. С. 119–120.
- ³⁴ Там же. С. 214, 222, 224.

³⁵ Там же. С. 78,141, 155.

³⁶ Там же. С. 66.

³⁷ Там же. С. 116.

³⁸ Там же. С. 191, 193.

³⁹ Там же. С. 117.

⁴⁰ Там же. С. 214, 223, 224.

⁴¹ Там же. С. 17–18.

⁴² Там же. С. 191, 193.

⁴³ Там же. С. 197.

⁴⁴ Там же. С. 69.

⁴⁵ Там же. С. 136.